

ВООБРАЖЕНИЕ И СНОВИДЕНИЯ.

Данилкина Ирина Ивановна, аспирантка Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Аннотация. В статье рассматриваются взаимосвязь визуального воображения и сновидений, которые рождаются в процессе интенсивного творчества.

Ключевые слова: визуальное воображение, сновидения. Творчество, мир фантазий, осмысление.

Целостный мир человека делится на мир бодрствования и эфемерные миры сновидения. Все, что не укладывается в четкую последовательность перетекания из будущего в настоящее и прошлое, понимается человеком как нечто нереальное, и приобретает свое несовершенное полусуществование в форме сновидений человека. Различие между сном и бодрствованием - это один из основных вопросов, с которым обычно обращаются к философии.

Одной из форм визуального воображения являются сновидения. В прошлом сновидениям давали чрезвычайно примитивное объяснение, усматривая в них побочный и случайный продукт разрядки нервной энергии во время сна.

Интерес к научному изучению сновидений возник с новой силой в XIX в. в связи с бурным развитием психологии, физиологии и философии.

Большое количество исследователей придерживалось мнения о том, что сновидение представляет собой бессмысленный набор фантастических образов, которые возникают в связи с ослаблением роли сознания, которое отбирает впечатления бытия для формирования цельной картины действительности и продуцирования тех или иных действий для решения различных задач. В процессе сна сознание не контролирует эти впечатления, и они хаотически перемешиваются и порождают причудливые образы и мысли.

Другие исследователи отмечали определённую закономерность появления образов в сновидении и пытались их толковать.

На рубеже XIX и XX веков эти теории были обобщены и значительно развиты **Зигмундом Фрейдом**. Множество мыслей, вызванных к жизни сновидением, пересекаясь, образуют устойчивое ядро, за которым Фрейд видел невысказанное желание сознания. Иными словами, он пришёл к выводу, что главная функция сновидения — это осуществление желаний.

Проведя кропотливый анализ воспоминаний сновидения, Фрейд показал, что все элементы сновидения, какими бы бессмысленными, бессвязными и нелепыми они ни казались, находятся в тесной связи со всей нашей внутренней жизнью и, следовательно, имеют смысл. Сновидения конструируются визуальным воображением путем иллюзорного исполнения желаний.

Образы сновидений, подобно другим фантастическим образам, имеют вполне реальные источники, как внешнюю реальность, так и внутреннюю психическую жизнь, зачастую неосознаваемую. Сама фантазия, проявляющаяся не только в образах видений, но и в произведениях искусства, подчиняется определенным закономерностям, которыми управляется вся бессознательная сфера.

Во сне мы оказываемся захваченными игрой собственного воображения, результат которой представляется нам чуждым и опасным вмешательством неких сторонних сил, посягающих на суверенитет нашего рационально структурированного сознания. Свой рисунок «Сон разума», Ф. Гойя наделил следующим пояснением: «Когда разум спит, фантазия в сонных грезах порождает чудовищ, но в сочетании с разумом фантазия становится матерью искусства и всех его чудесных творений».

Оказываясь в мире снов, человек оказывается перед пространством, подобным реальному миру, но все же не являющемся реальностью. Этот мир наделен определенным смыслом, который предстоит еще сконструировать.

Следует отметить, что сновидение существует только как факт языка. Известную формулу И.В. Сеченова: «сон есть небывалая комбинация былых впечатлений», можно перефразировать следующим образом, сон — это еще неизвестное сочетание уже известных слов. Таким образом, сам язык, как конвенциональная система знаков, по природе своей гипнотетичен: «язык не знание и ускользает от познания потому, что он устроен не как разум, а как сон» (В.В. Библихин).

Рассмотрим, как язык может быть структурирован как сон. В семиотической теории Ю.М. Лотмана возникновение паузы между внешним импульсом и реакцией на него рассматривается как ключевой момент в истории сознания. Этот временной промежуток связан с учреждением знаковой системы, нарушающей непосредственную связь психических реакций и внешних стимулов. Именно на этом этапе был запущен семиотический механизм интерпретации сновидений, превративший сон в особую сферу самодовлеющего сознания, в которой воображение пользуется несомненными привилегиями.

Лотман исходит из предположения, что архаический человек обладал гораздо большей «культурой сна» (то есть видел сны и запоминал их гораздо более связанными). Оказываясь в мире снов, человек оказывался перед пространством, подобным реальному миру, но все же реальностью не являвшимся. Он предполагал, что этот мир наделен определенным смыслом, но смысл этот был ему неизвестен: «это были знаки неизвестно чего, то есть знаки в чистом виде». Значение их было неопределенным, их смысл еще предстояло сконструировать. Начало сновидческому воображению положено семиотическими экспериментами.

И хотя сон воспринимался как некое сообщение от таинственного другого, на самом деле это лишь пространство, которое могло быть заполнено любым толкованием, «текст ради текста». Таким образом, заключает Ю.М. Лотман, «сон — это семиотическое зеркало, и каждый видит в нем отражение своего языка».

Толкование снов требует индивидуального, а не всеобщего языка. «Для бодрствующих, — говорил Гераклит, — существует один общий мир (oinos к osmos), а из спящих каждый отворачивается в свой собственный (idios к osmos)». Нельзя проникнуть в чужой сон, это язык для одного человека.

Если говорить о «языке сновидения», то «язык» или «символика» сновидений, согласно Фрейдю, не носят характер фиксированного символизма. Символизм сновидений заключается в самих операциях перевода скрытого плана сновидения в явный — в том, что Фрейд называет «работой сновидения».

Двумя основными приемами такой «работы» являются операции «сгущения» и «смещения», посредством которых скрытые мысли сновидения без всякой аналогии или подобия, без всякого волевого или сознательного участия Эго переводятся в явный план сновидения. Именно эти операции, а не «скрытые» мысли, носят бессознательный характер.

Таким образом, сила, структурирующая бессознательное, обнаруживается в естественном (поэтическом, сюрреалистическом) языке. Язык, природа которого заключается не в именовании вещей или передаче информации, а в обнаружении желания субъекта, может быть проинтерпретирован как инстанция символического — культура, традиция, социум.

Сновидения также можно определить как дифференциацию гипотетического фантазма через обнаружение в нем иных волей. В сновидении, мы воспринимаем реальное присутствие «других». В сновидении открывается всегда целостный мир со своим собственным прошлым, уходящим на многие годы вглубь. Все это заставляет относиться к сновидению как к самостоятельной реальности, в которой мы реально встречаемся с другими.

Однако, вместе с тем, сновидение есть производная от фантазма. Но если изначально фантазм полностью определяется нашим сознанием, то сновидением он становится лишь тогда, когда в нем мы начинаем различать действия иных волей помимо нашей. При этом сам фантазм, который впоследствии начинает дифференцироваться до сновидения, вполне может быть соотнесен с содержанием какого-либо момента в бодрствовании (например, тоска по нереализованной мечте). Поэтому в сновидении не только может, но и должно сниться нечто связанное с событиями в бодрствовании, несмотря на то, что сновидение представляет собой самостоятельный мир.

Самостоятельность мира сновидения определяется иным характером течения времени. Течение времени в бодрствовании является результатом дифференциации фантазма ожидаемости, что придает этому течению линейный характер необратимо устремленный из прошлого в будущее. Течение времени в сновидении определяется дифференциацией гипотетического фантазма. В силу бесконечности гипотетических фантазмов, которые могут быть соотнесены с данным моментом времени, само течение времени в сновидении не может носить линейного характера. Начинаясь от определенного момента, оно может раскрываться сразу по нескольким направлениям, определенным разными гипотетическими фантазмами, должно разветвляться, растекаясь и сливаясь вновь, образуя новые потоки и открывая новые русла.

Все эти русла течения времени будут, образно говоря, “перпендикулярны” линейному течению времени в бодрствовании, соприкасаясь с ним лишь в той точке, с которой соотнесен гипотетический фантазм. Они открывают новые измерения времени, каждое из которых предполагает не столько переход от настоящего момента к будущему, сколько бесконечное раскрытие нового содержания в уже имеющемся моменте.

Такое многомерное течение времени не может восприниматься целостно человеком, воля которого носит надломленный характер, и поэтому у человека отсутствует способность воспринимать в бодрствовании бесконечное содержание каждого из открывающихся во времени моментов. Именно поэтому целостный мир для человека распадается на мир бодрствования и эфемерные миры сновидения.

Все, что не укладывается в четкую последовательность перетекания из будущего в настоящее и прошлое, понимается человеком как нечто нереальное, отсекается от целостного сопереживания мира. Отголоски этих отсеченных возможностей приобретают свое несовершенное полусуществование как сновидения человека.

Целостное восприятие времени, которое предполагает не только переход будущего в настоящее, но и такое становление момента настоящего, которое открывает внутри себя новые временные последовательности, дифференцируя не только фантазмы ожидаемости, но и все гипотетические фантазмы, возможно лишь только при восстановлении целостности человека, целостности его воли, и связаны с характером течения времени в вечной жизни.

Вопрос о реальности сновидения и его соотношении с обыденным восприятием действительности относится к числу фундаментальных онто-гносеологических проблем, определяющих способ осмысления человеком собственного бытия в мире. Поскольку эта проблема может быть тематизирована лишь в контексте различения иллюзии и реальности, следует предположить, что способность видеть и толковать сны открывает возможность мифологизации повседневности и культурного мифотворчества.

Смутное воспоминание о сновидении требует его истолкования в терминах обыденного опыта, в результате чего возникает эффект “прояснения” виденного и возрастающей отчетливости припоминания, что в свою очередь предполагает постоянное соотнесение процедур фальсификации и верификации “реального” с учетом вероятной “реальности сновидения”.

В истории метафизики и теории искусств это очевидное предположение может быть обозначено как *argumentum ad somnum* (“аргумент ко сну” по аналогии с *argumentum ad ignorantiam*, *argumentum ad hominem*) или (с учетом греческой этимологии) гипнозезой воображаемого.

Формулировка вопроса о сне и яви у Платона такова: “Можно ли доказать, что мы вот в это мгновение спим и все, что воображаем видим во сне, или же мы бодрствуем и разговариваем друг с другом наяву”.

Поскольку в человеческой жизни сну и бодрствованию уделено равное время, внутри каждого из нас происходит борьба: мнения обоих состояний одинаково претендуют на истинность.

Таким образом, даже если мы спим наши видения во сне подобно картинам составлены из реальных элементов, то есть они имеют соответствующие идее телесной природы качества: протяженность и форму, количество и величину место и число.

Согласно аристотелевской психологии сна, отношение сновидения к реальности может иметь характер причины, знака или совпадения. Для прояснения смыслового различия между этими видами отношений Аристотель приводит следующие примеры: Луна является причиной затмения солнца; знак затмения — это видимое помрачение солнечного диска; любое случайное событие, совпадающее с затмением по времени, может рассматриваться как его симптом. В симптоматической функции сновидения, полагает Аристотель, нельзя найти какой-либо универсальной закономерности, она случайна по определению. Именно поэтому сновидение не может встраиваться в повседневный опыт с той же достоверностью, что и чувственное восприятие.

Связь между воображаемым и реальным имеет характер синтаксической аналогии вопросов, связанных с психической деятельностью на неосознанном уровне (состояния сна, феноменов сновидений, грез, галлюцинаций, стихийно возникающих из глубины бессознательного образов).

Следует сказать, что определенным образам сна приписывают универсальную культурную значимость: сон переходит в область сакрального и представляется теперь неким привилегированным способом общения и источником творческого вдохновения.

Существует довольно много примеров того, как сны повлияли на человеческую историю. Помимо всем известного сна Менделеева, существует сон Кекуле про бензольное кольцо и сон Нильса Бора про структуру атома.

Все эти сны дали толчок научным открытиям, предложив некоторую структуру, помогающую понять физические явления. Сон Декарта, который он увидел в возрасте двадцати трех лет, на первый взгляд выглядит иначе выше указанных примеров: в нем не было прямого ответа. Однако именно этот причудливый сон изменил историю западной цивилизации, заложив основы современного научного метода.

Содержание сна было записано в не дошедшем до нас дневнике сновидений Декарта, носившем название *Olympica*. К счастью, сон был пересказан биографом Декарта Адриеном Байе.

Вот как интерпретирует этот сон Мераб Мамардашвили, который долго изучал Декарта: «У Декарта мышление складывалось как продукт последовательного ряда медитаций, в том числе и в знаменитом сне 10 ноября 1626 года.

Ему снилась книга как некая *scientia mirabilis* — некая изумительная наука, являющаяся суммой всех наук, и комментаторы это нередко называют “Энциклопедией”. В действительности же Декарту снилось, что существует некая внутренняя подспудная гармония, связывающая все вещи таким образом, что можно, не зная их все, но уцепившись за одну из них, пойти правильно. [...] Сам мир устроен по таким не осознаваемым мною законам, что эти законы позволяют мне в локальной темной точке совершить акт, для которого потребовалось бы знание всех законов мироздания, а я не зная их, тем не менее акт совершаю. Значит, есть какая-то помощь со стороны мира, или, как выражается Декарт, — *catena*, цепь, подобная лестнице Иакова, который взбирался по ней на небо, к Богу. И вот именно это снится Декарту, а вовсе не энциклопедия в нашем теперешнем понимании.»

Таким образом, мы видим, что, и здесь, как и в случаях со снами других ученых, речь идет об определенной структуре, которую Декарт называет *catena mundi* – «мировая связь», связь всех вещей. Концепция такой же глубины, как и знаменитое *cogito ergo sum*, но гораздо менее изученная. Между тем, если разобраться, именно она лежит в основе научного метода и возникшего на его основе современного представления о мире.

Можно сказать, что значение сновидений для визуального воображения велико. И главное заключается в том, что сны - это чрезвычайно богатый источник новых идей, способствующих раскрытию творческого потенциала человека. Это самостоятельный мир со своим течением времени, действиями, образами, способный изменить историю, культуру и человечество в целом.